

В. В. СОКОЛОВ

**И. М. Майский
между И. В. Сталиным и У. Черчиллем
в первые месяцы войны**

Недавно исполнилось 60 лет началу Великой Отечественной войны и битвы под Москвой, означавшей не только крушение немецкого blitzkriega¹, но и коренной поворот во второй мировой войне. К этой первой крупной победе наш народ пришел в союзе с другими антифашистскими демократическими странами. И хотя помощь союзников в то время была еще невелика и защищать Москву пришлось лишь своим собственным оружием, но коалиция все же была создана. Важную роль в этом сыграла советская дипломатия и ее представители за рубежом. В этом контексте особенно выпукло предстает деятельность советского посла в Лондоне и будущего академика И. М. Майского, сумевшего установить личные контакты с первыми лицами британской столицы. Это оказалось особенно заметным в первые, самые трудные для нашей страны месяцы войны, когда гитлеровские полчища рвались к Москве, а руководители двух стран еще не всегда находили взаимопонимание.

Освещение роли Майского в этот и более ранний периоды его деятельности облегчается тем, что за последние годы в научный оборот были введены новые архивные документы, вошедшие в три тома в шести книгах серийной публикации «Документы внешней политики» за 1939–1941 гг., подготовленные Историко-документальным департаментом МИД России. Ряд совершенно секретных до недавнего времени документов АВП РФ исследуются в настоящей статье. Много основополагающих документов содержатся в сборниках документов МИД, изданных ранее*.

---

* Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной

Большое значение для понимания всего комплекса проблем этого периода международных отношений имеют работы ряда российских исследователей и мемуаристов*. Множество интереснейших наблюдений и зарисовок содержатся в до сих пор неопубликованных личных дневниках Майского**.

Все это позволяет с достаточной степенью достоверности отразить процесс складывания в первые месяцы войны союзнических отношений между СССР и Великобританией, который проходил не всегда гладко. Сказывались в этом и идеологическая предубежденность и различие в социально-политическом строе двух стран, и груз недавнего прошлого. Ведь у политических лидеров в Москве и Лондоне оставалось недоверие к партнеру, основание для которого были как у одной, так и у другой стороны. Об этом напоминают события предвоенного и военного времени: английская политика попустительства германской и итальянской агрессии в Европе накануне второй мировой войны, позорная сделка Великобритании и Франции с Гитлером и Муссолини в Мюнхене в сентябре 1938 г., провал англо-франко-советских переговоров о заключении договора о взаимопомощи летом 1939 г., заключение советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. (о секретном протоколе тогда еще не было известно), ввод советских войск в Прибалтику в соответствии с заключенными под большим давлением с правительствами этих стран договорами о взаимопомощи, неоправданная советско-финляндская война, вызвавшая исключение СССР из Лиги наций, и перелет высокопоставленного фашистского лидера р. Гесса в Великобританию, о котором британские власти сообщали весьма скупно и неохотно.

В начале Великой Отечественной войны Советский Союз и Великобритания оказались в оккупированной немцами Ев-

---

войны. 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1976 (далее — Переписка...); Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945, т. 1. М., 1983.

* См., например: *Майский И. М.* Воспоминания советского посла. Война. 1939–1943. М., 1965; *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. 10-е изд. М., 1990; *Война и политика. 1939–1941* / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 1999; *Поздеева Л. В.* Лондон — Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945. М., 2000; *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. 1941–1942. М., 1997; *Сиполс В. Я.* Великая победа и дипломатия. М., 2000.

** *Поздеева Л. В.* Дневник И. М. Майского. Из записей о британской политике в 1938–1939 гг. // Новая и новейшая история. 2001. № 3.

ропе единственными странами, противостоявшими гитлеровской Германии, что предопределяло их взаимное стремление к сотрудничеству. Внешнеполитическое и военное положение Великобритании было предпочтительнее: она имела широкие политические и экономические связи со многими странами, прежде всего с США и в отличие от СССР на ее территории не хозяйничали оккупанты.

Облегчало положение Великобритании и то, что США, сохраняя нейтралитет в продолжавшейся второй мировой войне, оказывали ей все более расширяющуюся экономическую и военную помощь. Отношение же США к Советскому Союзу было менее определено. На это имелись свои причины. Только в январе 1941 г. США отменили так называемое «моральное эмбарго», установленное в отношении СССР в связи с советско-финляндской войной. В американском конгрессе действовало влиятельное антисоветское лобби.

Сообщая 12 мая 1941 г. о своей беседе с бывшим премьер-министром Великобритании Д. Ллойд Джорджем, Майский, передавая его слова, писал:

Черчилль «поставил ставку на США и только на США». Но «сейчас Уолл Стрит более враждебен к СССР, чем лондонское Сити. В результате получается, что, когда британское правительство даже хочет сделать какой-либо шаг для улучшения советско-английских отношений, Вашингтон ставит ему палки в колеса»*.

Установление личного контакта полпреда с Черчиллем имело давнюю историю. Не уходя, как говорится, «в глубь веков», упомянем встречу Майского с Черчиллем 6 октября 1939 г. в самом начале второй мировой войны, когда «отношения между Англией и СССР... были, — по словам полпреда, — отравлены взаимными подозрениями». «Черчилль исходит из того положения <...> что основные интересы Англии и СССР в наши дни нигде не сталкиваются». Затронув вопросы Прибалтики, Майский отмечал: «Черчилль прекрасно понимает, что СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что балтийские страны включаются в нашу, а не в германскую государственную систему. Это исторически

---

* Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ), ф. 059, оп. I, п. 351, д. 2401, л. 274–275.

нормально и вместе с тем сокращает возможный «лебенсraum»* для Гитлера. Здесь опять-таки интересы Англии и СССР не сталкиваются, а скорее совпадают**.

Через два дня английский министр здравоохранения Э. Эллиот был на завтраке у полпреда и разъяснил, что «в английских правительственных кругах сейчас наблюдается “большая” растерянность и незнание, как лучше подойти к советскому правительству с тем, чтобы восстановить более дружеские контакты»***.

Но эти контакты полпреда с оппозицией внутри консервативной партии не всегда находили поддержку в Москве. «В связи с Вашими беседами с Черчиллем, Иденом, Эллиотом и другими о желательности улучшения англо-советских политических и торговых отношений, — говорилось в телеграмме наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова полпреду от 11 ноября 1939 г. — Вы можете при случае заявить, что советское правительство сочувствует их желанию, но, так как теперешнюю политику Англии определяют не указанные лица, то СССР не видит в данный момент благоприятных перспектив в этом деле. Факты же свидетельствуют о том, что в действительности британские власти занимают в отношении Советского Союза враждебную позицию. Это мы чувствуем каждый день во всех концах Европы, от Скандинавии, и особенно от Финляндии, до Балкан и Ближней Азии, не говоря уже о Дальнем Востоке»****.

Выполняя указание наркома, Майский воспользовался случаем и вновь поговорил с Черчиллем 13 ноября. «Черчилль не скрывал своего удовлетворения по поводу того, что в Москве есть желание к улучшению англо-советских отношений, и при этом заметил: «Главное, чтобы было желание. Если желание есть, пути и способы для его реализации найдутся».

Черчилль, оправдывая английских политиков, сказал полпреду: «Вы должны учитывать, что внезапный поворот советской политики в конце августа (заключение пакта Молотова-Риббентропа. — В. С.) явился для Англии большим шоком. В течение

---

* Жизненное пространство (*нем.*).

** АВП РФ, ф. 059, оп. I, п. 300, д. 2078, л. 144–149.

*** Документы внешней политики (далее — ДВП), т. XXII, кн. 2. М., 1992, с. 170–171.

**** Там же, с. 278.

первых двух месяцев войны нам также неясна была ваша позиция... Многие ожидали, не сегодня завтра вы окажетесь в числе наших открытых врагов»*.

Касаясь советско-финляндского конфликта, Черчилль заявил: «Англия не только не может возражать против реализации советских требований, но даже имеет моральное обязательство облегчить СССР их осуществление, поскольку Россия потеряла свои позиции, включая Балтику, в результате участия в прошлой войне на стороне Антанты и поскольку она своими жертвами и усилиями (особенно в начале войны) спасла Францию и сделала возможной конечную победу союзников». «Признавая полную обоснованность наших требований к Финляндии, он [Черчилль] все-таки очень хотел бы надеяться, что мы не собираемся пустить в ход против Финляндии силу, ибо это произвело бы самое тягостное впечатление в Англии и сделало бы на долгое время невозможным улучшение англо-советских отношений»**.

«Черчилль не видит возможности близкого мира и готовится вести длительную и тяжелую войну, — продолжал Майский, говоря об англо-германских отношениях. — ...Черчилль, однако не сомневается, что в конечном счете восторжествует Англия — не только в силу своих гораздо больших ресурсов, но также и в силу свойства своего национального характера, который в обстановке мира делал из англичанина несколько изнеженного, заживревшего сибарата, но в обстановке войны превращает его в злого бульдога, берущего мертвой хваткой свою «жертву»***.

Очень скоро военно-политическая обстановка в Европе изменилась. «Странная война»² завершилась новыми актами агрессии со стороны гитлеровской Германии. Захват Дании и Норвегии вызвал реорганизацию английского правительства. Майский в телеграмме в Москву 5 апреля 1940 г. писал: «Наиболее важным моментом “перестройки” является возрастание роли Черчилля, который теперь фактически поставлен руководителем всех вооруженных сил Великобритании и, как таковой, окажется в состоянии в гораздо большей степени, чем раньше, влиять не только на ход войны, но и на всю политику правительства»****. Последнее

---

* Там же, с. 289–290.

** 10 Там же, с. 289–291.

*** Там же, с. 291.

**** |2АВП РФ, ф. 059, оп. I, п. 325, д. 2233, л. 306.

положение было высказано полпредом явно в пику наркому, который утверждал, что лидеры оппозиции не обладают соответствующей властью. Прошло несколько недель и Черчилль стал премьер-министром.

Неожиданное поражение и капитуляция Франции в мае-июне 1940 г. вызвали шок в Лондоне и Москве. Считавшаяся наиболее мощной в политическом и военном отношении держава в Европе пала в течение нескольких недель. Но если для Черчилля поражение Франции явилось мощным стимулом для организации «битвы за Англию», то для Сталина оно породило некоторую неуверенность перед «несокрушимой мощью» фашистской Германии, подорвали его веру в возможность избежать войны. Оправившись от первого шока, он предпринял ряд внешнеполитических и дипломатических шагов, направленных на ограничение сферы германской агрессии.

14 июня 1940 г., в день вступления германских войск в Париж, советское правительство сделало представление правительству Литвы о нарушении им советско-литовского договора о взаимопомощи*. Аналогичные представления были сделаны 16 июня правительствам Латвии и Эстонии. В них содержалось требование сформировать такие правительства в этих странах, которые бы обеспечили соблюдение заключенных с ними Советским Союзом договоров, а также свободный пропуск советских воинских частей в эти страны, где уже находились отдельные советские воинские гарнизоны. Уже на другой день дополнительные контингенты советских войск вступили на территорию этих стран.

Политические деятели Запада с пониманием относились к этой акции советского правительства. Министр иностранных дел Великобритании Э. Галифакс телеграфировал 18 июня 1940 г. британскому послу в США, что Сталин, поступая весьма разумно, создает в Прибалтике «прочную стратегическую границу как на суше, так и на море, на тот случай, если ему придется защищаться против германской агрессии»**. Подобную же оценку советской акции давал американский посланник в Литве О. Но-

---

* «Полпреды сообщают...»: Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. М., 1990, с. 374–376.

** Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997, с. 241.

рем*. Об антигерманской направленности действий Москвы в Прибалтике сообщали и германские дипломаты**.

В те же дни в состав советской Молдавии вошли Бессарабия и Северная Буковина. Продолжая политику по расширению своего присутствия в Юго-Восточной Европе, Советский Союз установил 24 июня 1940 г. дипломатические отношения с Югославией.

Страны же агрессоры продолжали свою экспансионистскую политику. 27 сентября 1940 г. Германия, Италия и Япония подписали в Берлине Тройственный пакт о военном союзе и разделе сфер влияния. Осуществляя подготовку задуманного им похода против Советского Союза, Гитлер ввел в октябре 1940 г. первые контингенты германских войск в Румынию, а затем в Финляндию. В ноябре правительства Румынии и Венгрии присоединились к Тройственному пакту, привязав свои страны к блоку агрессивных государств.

В этих условиях Великобритания предпринимала отдельные шаги с целью найти общие точки соприкосновения с Москвой по политическим и торгово-экономическим вопросам***. Но о первых же контактах руководства НКВД с английскими дипломатами сразу же становилось известно мировой печати. Расчет британского внешнеполитического ведомства был прост: посеять недоверие в отношениях между СССР и Германией и побудить Москву отказаться от политики нейтралитета.

Более того, Форин офис, зная нравы, которые существовали тогда в Советском Союзе, попытался руками Москвы убраться из Лондона популярного полпреда Майского, обвинив его в утечке конфиденциальной информации. Но в Кремле быстро разгадали этот маневр. Чиновники Форин офиса даже не могли предположить, что о сделанных советскому правительству в Москве предложениях английского правительства полпред не был информирован. Поэтому первый заместитель наркома А. Я. Вышинский заявил английскому послу в Москве С. Криппсу, что предположение Лондона «лишено всякого основания»****.

---

* Новая и новейшая история. 1990. № 5, с. 49.

** Сиполс В. Я. Указ. соч., с. 241.

*** ДВП, т. XXIII, кн. 1. М., 1995, с. 701–705.

**** АВП РФ, ф. 06, оп. 2, п. 10. д. 102, л. 2.

В создавшейся обстановке глава советского правительства, нарком иностранных дел Молотов нанес 12–13 ноября 1940 г. официальный визит в Берлин, где вел переговоры с Гитлером и Риббентропом. Записи его бесед теперь опубликованы*. Это был зондаж дальнейших намерений германского руководства. На все вопросы Молотова о цели присутствия немецких войск в государствах-соседах СССР Гитлер вразумительного ответа не дал.

Сообщая 17 ноября 1940 г. Майскому в Лондон об итогах своего визита в Берлин, нарком писал: «Немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещанием пересмотра конвенции в Монтре в нашу пользу... Мы не дали на это согласия, так как считаем, что, во-первых, Турция должна оставаться независимой, а, во-вторых, режим в проливах может быть улучшен в результате наших переговоров с Турцией, но не за спиной Турции.

Немцы и японцы, как видно, очень хотели бы толкнуть нас в сторону Персидского залива и Индии. Мы отклонили обсуждение этого вопроса, так как считаем такие советы со стороны Германии неуместными»**.

И хотя формально нарком вручил 25 ноября германскому послу Ф. Шуленбургу ноту о согласии СССР присоединиться к Тройственному пакту***, но оно было обусловлено столькими «если», что ответа германской стороны на нее получено не было³. Вернее ответ был, но советское правительство о нем не подозревало. 18 декабря 1940 г. Гитлер подписал «план Барбаросса», план нападения на Советский Союз. Наряду с этим начальник штаба германского верховного главнокомандования В. Кейтель подписал 15 февраля 1941 г. Директиву по дезинформации противника, которая помогла немцам ввести в заблуждение высшее руководство в Москве. Но это произошло несколько позже. А тогда, 17 января 1941 г., нарком сделал заявление Шуленбургу в связи с готовившимся вступлением германских войск в Болгарию, что советское правительство «считает территорию Болгарии и обоих Проливов зоной безопасности СССР, ввиду чего он не может остаться безучастным к событиям, угрожающим интересам без-

---

* ДВП, т. XXIII. кн. 2, ч. I. М., 1998, с. 36–47, 63–79.

** Там же, с. 92.

*** Там же, с. 136.

опасности СССР»*. Разъясняя позицию Москвы, Майский говорил югославскому посланнику в Лондоне И. Суботичу: «Мы не хотим вовлечения Балкан в войну, а также доминирования на Балканах какой-либо одной великой державы. Как ни тревожны последние сообщения с Балкан, не следует делать слишком поспешных выводов. История не кончается на сегодняшнем дне»**.

17 февраля 1941 г. Майский встретился с лидерами лейбористской партии К. Эттли и А. Гринвудом: «Лейбористские лидеры, — записал полпред в дневнике, — явно хотели прощупать наш пульс в связи с балканскими событиями». Они рассуждали следующим образом: Германия выходит к Черному морю. Она очень нуждается в нефти и должна в самом срочном порядке искать разрешения этой проблемы. Если Германия станет твердой ногой на Балканах, то протянет руку к Турции. Если Турция станет ее жертвой, под угрозой окажется Баку.

Отвечая собеседникам, полпред подчеркнул, что в Москве понимают роль и значение нефти в наши дни и принимают надлежащие меры для ее охраны.

«Что же касается Балкан, — продолжал он, — то мы внимательно следим за развивающимися событиями и в случае надобности, несомненно, предпримем надлежащие шаги для защиты наших интересов. Вообще необходимо учитывать, что СССР ведет вполне самостоятельную, ни от кого не зависимую политику и при всяких условиях сумеет за себя постоять»***.

Касаясь далее общих стратегических вопросов, Эттли сказал: «Немецкие силы разбросаны по всей Европе, а сосредоточить их против Англии Германия в данный момент не может и половину своих сил. В пользу Англии работает целый ряд факторов — растущее недовольство в оккупированных Германией странах, морская блокада, растущая сила британской авиации, психологический эффект превращения США в союзника Англии де-факто, наконец, ограниченность нефтяных ресурсов Германии. Это последнее особо важно. Здесь — ахиллесова пята Германии. В нее надо бить, т. е. подольше затягивать войну и бомбить нефтяные поля Румынии»****.

---

* Там же, с. 344.

** АВП РФ, ф. 017а, оп. 1, п. 2, д. 8. л. 23.

*** Там же, л. 31.

**** 25 Там же, л. 32–33.

В продолженной 20 февраля беседе Эттли дополнительно отметил следующие моменты: 1) война продлится, вероятно, еще 2 года, но в начале 1943 г. она может закончиться британской победой; 2) на французском берегу пока незаметно каких-либо приготовлений для вторжения (концентрация судов, барж и т. д.).

К сожалению, в Москве, видимо, не обратили достаточного внимания на последние обстоятельства при оценке будущих агрессивных планов Гитлера. Рассуждения Эттли были тем более интересны, что он входил в состав военного кабинета Черчилля и располагал информацией «из первых рук».

Стремление Сталина избежать всего того, что могло бы дать повод Гитлеру спровоцировать войну, оказалось ошибочным. По выражению израильского историка Г. Городецкого, Сталин «оказался загипнотизирован немецкой военной мощью и избрал путь дипломатического решения»*. В то же время Черчилль был настроен решительно. По словам Майского, в его депеше в НКВД от 18 июня 1940 г., людей, склонных к прекращению войны с Германией в английском правительстве оказалось очень мало. «Этому в немалой степени способствовало вчерашнее краткое выступление Черчилля по радио, а также тон, взятый сегодняшней печатью... Шумным одобрением встречен текст заявления Черчилля, говорившего о продолжении войны до конца. Большое впечатление произвели соображения премьера, доказывавшие невозможность вторжения Германии на Британские острова в сколько-нибудь серьезных размерах»**.

Черчилль оставался в центре всех сообщений полпреда в НКВД. За полтора месяца до германского нападения на СССР, Майский, уже в качестве посла, поскольку в этот день Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о введении ранга «чрезвычайного и полномочного посла», писал 9 мая 1941 г. в Москву: «По русскому вопросу» Черчилль рассуждает так: если бы путем уступки и дружественного обращения можно было бы вовлечь СССР в войну, игра стоила бы свеч. Так как, однако, СССР упорно отстаивает позицию нейтралитета, то не имеет смысла специально затрачивать усилия на улучшение отношений с ним. К тому же Германия все равно скоро нападет на СССР, тогда он сам к нам

---

* Городецкий Г. Миф «Ледокола» накануне войны. М., 1995, с. 344–345.

** АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 325, д. 2235, л. 4.

придет»*. Передавая слова Ллойда Джорджа, посол сообщил: «Черчилль живет в уверенности германской атаки на Украину и ждет, что тогда СССР, как “спелый плод”, сам упадет в корзину Англии». Продолжая свою мысль, он заявил, что «после ликвидации Балкан в Европе больше не останется никого, кто мог бы даже подумать о сопротивлении Германии на суше. Что Гитлер тогда станет делать со своей пьяной от непрерывных побед армией?»**.

Эту же линию Черчилль проводил в беседах с редакторами лондонских газет. «С явным оживлением, — указывал посол в телеграмме от 12 июня, — Черчилль сообщил, что немцы концентрируют громадные силы на советской границе, силы слишком большие для того, чтобы можно было думать просто об игре на нервах»***. Об этом же информировали Москву и советские дипломаты. Однако эти донесения не насторожили Кремль и не побудили его к принятию срочных мер для возможного отпора агрессору. 13 июня 1941 г. советский посол в Берлине В. Г. Деканозов сообщил: «Сейчас следует считаться с количеством войск на наших границах, то есть в Восточной Пруссии, Польше и Румынии в 140–150 дивизий с наиболее плотной группировкой в Восточной Пруссии и Южной Польше». Указав на ежедневное прохождение эшелонов в восточном направлении, он отмечал, что «обратного движения войск ни разу не фиксировалось»****.

16 июня Майский телеграфировал в Москву: «Сегодня Кадоган по поручению Идена сообщил мне более детальную информацию о концентрации германских войск на советских границах.

I. Общее количество германских войск, в настоящий момент сконцентрированных на советских границах, по сведениям британского генштаба, составляет 80 дивизий в Польше, 30 — в Румынии и 5 — в Финляндии и Северной Норвегии, всего 115 дивизий, не считая мобилизованной румынской армии»*****.

Вся эта информация докладывалась руководству страны, о чем свидетельствует ее разметка Сталину и Молотову.

---

* Там же, п. 351, д. 2401, л. 251–252.

** Там же, л. 133–136.

*** Там же, п. 352, д. 2402, л. 199–200.

**** Там же, п. 343, д. 2346, л. 169–170.

***** ДВП, т. XXIII, кн. 2, ч. 2. М., 1998, с. 739.

Как предсказывал Черчилль и сообщали дипломаты, нападение гитлеровской Германии не заставило себя долго ждать.

Вечером 22 июня 1941 г. Черчилль выступал по радио с речью, в которой, подчеркнув свою приверженность к антикоммунизму, отметил, что «опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам... Удвоим свои усилия и будем бороться сообща, сколько хватит сил и жизни»*.

26 июня 1941 г. Майский докладывал в Москву: «Сейчас, на исходе четырех дней с момента германской атаки на СССР, можно с удовлетворением констатировать, что первый тур в политическом обеспечении войны, поскольку речь идет о Великобритании и империи, нами выигран. Расчет Гитлера был совершенно ясен: ударить на восток, воскресить свою славу «спасителя европейской цивилизации от большевистского варварства», внести раскол в общественное мнение «демократий» и добиться либо выгодного мира с ними, либо, по меньшей мере, фактического выхода их из войны до тех пор, пока он не расправится с «большевиками». Этот расчет Гитлера пока полностью провалился.

Смысл «визита» Гесса (в мае 1941 г. в Англию. — В. С.) теперь стал совершенно очевидным: он должен был подготовить почву для англо-германской сделки накануне или вначале немецкой атаки на СССР. Весь этот расчет Гитлера на данном этапе полностью провалился. Англия не дала себя обмануть и не пошла ни на мир, ни на ослабление военной активности...

На этом общем фоне опять-таки крупнейшую роль сыграла личность Черчилля. Эффект акции Черчилля был огромен, как в самой Великобритании, так и в США. От многих лиц в течение этих 4 дней я слышал, что если бы премьер не дал столь четкой линии в первый же день советско-германской войны, если бы он пропустил 2–3 дня, если бы он стал выжидать и колебаться, антисоветские элементы имели бы возможность внести немалую долю смущения и разнобоя в настроение страны... Выступление Черчилля сыграло громадную роль в быстром определении США своей позиции... В частности Иден мне рассказывал, что после беседы со мной утром 22 июня он имел разговор с Черчиллем, и последний учел сделанные мной замечания, придав еще более решительную форму, чем это имело место первоначально, непри-

---

* Советско-английские отношения..., т. 1, с. 513–514.

миримости британского правительства в вопросе о продолжении войны до полной победы над Гитлером»*.

Однако настроение влиятельных представителей британских правящих кругов было таково, что они не очень-то стремились связывать себя какими-либо обязательствами в отношении СССР. Более того, они полагали, что СССР продержится лишь несколько недель и следует подождать, пока будет какая-то ясность, стоит ли ему помогать. На советское предложение, высказанное Молотовым 27 июня, о заключении какого-то соглашения, обуславливавшее оказание взаимной помощи, Криппс заявил, что «время еще не созрело»**.

8 июля 1941 г. И. В. Сталин в беседе с Криппсом сказал, что «у советского правительства создалось плохое впечатление в связи с непонятной позицией, занятой английским правительством. Советскому правительству кажется, что Великобритания не хочет связывать себя с Советским Союзом каким-либо соглашением». Он предложил заключить соглашение из двух пунктов: Англия и СССР обязываются оказывать друг другу вооруженную помощь в войне с Германией и обе стороны обязываются не заключать сепаратного мира»***.

Конкретное предложение Москвы требовало ясного ответа. Черчилль сообщил 10 июля в послании Сталину, что «мы всецело одобряем предложение, сделанное Вами»****. На самом же деле британский премьер-министр попытался свести советское предложение к подписанию «согласованной англо-советской декларации». Но советское руководство все же настояло на заключении официального соглашения о совместных действиях в войне против Германии, которое и было подписано 12 июля 1941 г. Молотовым и английским послом Криппсом.

Это был важный прорыв в создании антигитлеровской коалиции. Опираясь на достигнутое соглашение и учитывая критическое положение на фронте, где наша армия продолжала отходить под натиском превосходивших сил противника, советское руководство предприняло ряд дипломатических шагов с целью

---

* АВП РФ, ф. 059, оп. I, п. 352, д. 2402, л. 318–320. См. также Личный дневник Майского, ф. 017а, оп. 1, п. 2, д. 8, л. 163–164.

** Советско-английские отношения..., т. I, с. 48–51.

*** Там же, с. 69–70.

**** Переписка..., т. I, с. 18.

добиться от Великобритании открытия второго фронта в Европе против гитлеровских захватчиков. Сначала Молотов в беседе с Криппсом 15 июля высказался за создание англо-советского фронта на Севере Европы, в частности освобождение Норвегии*, а затем Сталин в личном послании Черчиллю от 18 июля предложил открыть фронт на севере Франции, который «не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию»**.

Положение Майского оказалось сложным. Из Москвы поступали требования открытия второго фронта, поскольку германские войска приближались к жизненно важным центрам страны. Но посол не мог потребовать от англичан, чтобы они вдруг начали активные военные действия, когда в течение двух лет Англия, придерживаясь оборонительной тактики, спокойно отсиделась за Ла-Маншем, не предпринимая активных действий. «Следуя своей вековой традиции, — записал посол в дневнике, — англичане хотят свалить на нас главную тяжесть войны, а сами остаться по возможности в стороне»***.

21 июля 1941 г. Черчилль направил Сталину через Криппса ответное послание, в котором «разъяснил» невозможность открытия второго фронта во Франции****. В связи с этим посланием Молотов проинформировал Майского, что Сталин ознакомился с посланием и «сказал, что он вполне понимает трудности южной операции и считает, что Черчилль имеет основания не торопиться с этой операцией». Отвечая на вопрос Криппса, Сталин сказал, что «в послании все ясно и у него нет ни вопросов, ни упреков в отношении Черчилля»*****. Посол сразу же почувствовал неудовлетворенность Кремля.

Пытаясь как-то смягчить реакцию Москвы на не совсем адекватное поведение англичан, Майский в телеграмме от 21 июля в НКВД стремился, с одной стороны, объяснить причины сдержанности англичан, а с другой — показать, что союзные отношения налаживаются и уже что-то сделано. «Черчилль до сих пор не уверен, устоит ли в конечном счете Красная Армия перед

---

* Советско-английские отношения..., т. I, с. 83

** Переписка..., т. 1, с. 19.

*** АВП РФ, ф. 017а, оп. 1, п. 2, д. 8, л. 202.

**** Переписка..., т. I, с. 20–22.

***** АВП РФ, ф. 059, оп I, п. 365, д. 2487, л. 110–111.

рейхсвером или нет? Его все время преследует мысль: если Красная Армия все-таки будет разбита и Гитлер со всеми своими полчищами обрушится на Англию, — что тогда? Вот на этот случай Черчилль и придерживает силы и оружие на острове...

Несмотря, однако, на неудовлетворительность английской позиции в настоящее время, — отмечал Майский, — я не склонен оценивать открывающиеся перспективы слишком пессимистически. Лиха беда начало... А начало как будто бы кладется на севере. Начало кладется и в деле снабжения нас материалами и оружием»*.

22 августа 1941 г. Майский проинформировал Москву о беседе с Ллойдом Джорджем, с которым время от времени встречался: «Старик резко критиковал Черчилля. Он считает, что британское правительство, в частности, ничего не делает для эффективной помощи СССР. Это не только неблагоприятно, это глупо и опасно для самой Англии»**. Далее посол писал: «В заключение Ллойд Джордж заговорил о всемирно- историческом значении тех событий, которые совершаются сейчас в СССР. Всякая большая война, а в особенности такая война как нынешняя, является величайшим испытанием для каждой страны, для ее морали, для ее политики и экономики, для ее армии, для ее государственной системы. Все, что слабо и гнило, под ударами такой войны разваливается. Пример — Франция. Между тем СССР выдержал это суровое испытание блестяще»***.

Сообщая 27 августа 1941 г. о беседе с министром иностранных дел А. Иденом, посол привел свои слова о том, что «Англия в настоящий момент является не столько нашим союзником, товарищем по оружию в смертельной борьбе против гитлеровской Германии, сколько сочувствующим нам зрителем». «Слыша похвалы, расточаемые по нашему адресу, — продолжал посол, — я думаю: «Поменьше бы рукоплесканий, а побольше бы истребителей»****.

Постановка вопроса об английской помощи Советскому Союзу в его беседе с Иденом нашла живой отклик в Москве. 30 августа Сталин лично написал Майскому, что само по себе было не совсем обычно: «Ваша беседа с Иденом... полностью отражает на-

---

* Там же, д. 2486, л. 28–29.

** Там же, п. 352, д. 2404, л. 54.

*** Там же, л. 52.

**** Советско-английские отношения..., т. 1, с. 106.

строения советских людей. Я рад, что Вы так хорошо уловили эти настроения. По сути дела, английское правительство своей пассивно-выжидательной! политикой помогает гитлеровцам»*.

29 августа 1941 г. Майский дал завтрак для глав правительств и дипломатических; представителей союзных государств. В состоявшейся беседе с Черчиллем посол затронул вопрос о генеральной стратегии британского правительства в продолжавшейся войне. Выяснилось, что никакого продуманного плана ведения войны у премьера нет.

Черчилль полагал, что война едва ли кончится раньше 1943 г. «Но было бы опасно увлекаться столь «оптимистическими ожиданиями. Германия еще сильна», — предупреждал он. «Второй фронт на Западе (Франция, Бельгия), — констатировал посол, — ему не улыбается. Сейчас Черчилль считает его просто невозможным. Не уверен он, что такой фронт станет возможным весной 1942 года... В обоснование своей мысли Черчилль привел такие расчеты: в британском воздушном флоте сейчас занято всего 750 тысяч человек и скоро будет 1 миллион, в морском флоте около 500 тысяч, в армии 2 миллиона (не считая «отечественной гвардии»). Однако из 2 миллионов армии 500 тысяч занято в ПВО и по охране берегов Англии (батареи, укрепления и т. д.), 500 тысяч в школах, тренировочных лагерях и пр. для пополнения войск, находящихся в других частях Империи (главным образом на Ближнем Востоке), и только 1 миллион, то есть примерно 50 дивизий, составляют армию, которая в случае надобности могла бы быть использована для создания второго фронта. Поскольку немцы даже сейчас имеют во Франции 30–35 дивизий и легко могли бы увеличить это число за счет войск, стоящих в некоторых других частях Европы, Черчилль считает обреченной на неудачу всякую попытку вторжения во Францию»**. «Совсем иное отношение у Черчилля к Ближнему Востоку. Здесь он уже сейчас сосредоточил крупные силы и рассчитывает в 1942 году довести их до 1 миллиона человек, обильно снабженные оружием... Из слов премьера, — отмечал посол, — можно было заключить, что второй фронт ему мыслится скорее где-то на Ближнем Востоке, чем во Франции»***.

---

* Там же, с. 109.

** АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 352, д. 2404, л. 125–127.

*** Там же, л. 124–125.

Надо отдать должное Майскому, который в сложнейших условиях первых месяцев войны, когда советские войска терпели поражение и отступали, сумел, тем не менее, поставить себя так, что с ним считались и Черчилль и Иден и другие государственные деятели Великобритании. Задача его усложнялась тем, что в Москве не всегда понимали, что англичане руководствуются, прежде всего, своими интересами. Территория Великобритании не была оккупирована, а немецкие бомбежки почти прекратились после начала войны Германии против СССР. Поэтому посол стремился дать понять, что второго фронта скоро не будет и рассчитывать надо только на свои силы.

Информацию о разговоре с Черчиллем и Иденом 4 сентября 1941 г. посол адресовал непосредственно Сталину. Он писал: «Я, между прочим, затронул вопрос о генеральной стратегии и указал на ненормальность того положения, что, хотя у нас с Англией есть военный союз и воюем мы против общего врага, но у нас до сих пор не имеется никакого, хотя бы самого общего плана ведения войны... Черчилль согласился в принципе со мной и заявил, что готов разработать общий план кампании». Черчилль считает, продолжал Майский, что «борьба с Германией будет очень трудной и потребует много времени. Планы Черчилля на 1942 год “очень скромны”. Вот они в основном: Держать метрополию, долину Нила и позицию на Ближнем Востоке, выбить немцев и итальянцев из Ливии и, если возможно, из Триполи. Наладить снабжение СССР через Иран (и, конечно, другие пути), привлечь Турцию на свою сторону, прогрессивно увеличивать бомбежку Германии, а в остальном сосредоточить главное внимание на формировании армии, накоплении оружия и достижения полного господства в воздухе».

На замечание Майского, что «если бы случилось худшее и СССР вышел из игры, то Британская империя была бы кончена... Гитлер в такой обстановке захватил бы Египет и Индию». Черчилль в связи с этим воскликнул: «Мне было бы очень жаль индийского народа... Но война не кончилась бы. Мы стали бы продолжать войну одни, как вели ее одни после краха Франции». «Говоря это, — писал Майский, — Черчилль находился почти в бешенстве. Он сжимал кулаки, глаза его сверкали. Предо мной был человек самой неукротимой ненависти к Гитлеру и к Германии. Вообще Черчилль психологически настроился на очень длительную войну»*.

---

* Там же, п. 365, д. 2486, л. 163–165.

В заключение посол констатировал, что 1942 г. Черчилль «считает только подготовительным. Он допускает, что 1943 г. может стать решающим, но в этом не вполне уверен. Он не исключает..., что война может затянуться еще на несколько лет». В той же беседе Черчилль сказал: «Мы, англичане, плохие союзники на суше. Мы хороши на море и теперь в воздухе, но армия у нас пока слабая и плохо обученная. Ей нужен опыт и время. Что же, лет через 5–6 она станет очень серьезной силой».

«Надеюсь, — продолжал Майский, — что все эти детали дадут Вам более ясное представление о настроениях, планах и намерениях премьера. Все его установки на длительную войну, на истощение Германии с оттягиванием решительных военных операций до более или менее отдаленного будущего»*.

Сообщая об этом, Майский не отважился информировать Сталина о тех словах Черчилля, которые он записал 4 сентября в личном дневнике: «Я не хочу вводить вас в заблуждение, — говорил Черчилль. — Я буду откровенен. До зимы мы не сможем оказать вам никакой существенной помощи ни созданием второго фронта, ни слишком обильным снабжением. Все, что мы смогли бы вам сейчас послать по части танков, самолетов и пр., совершенные пустяки в сравнении с вашими потребностями. Мне горько это говорить, но истина прежде всего... В течение ближайших 6–7 недель вам может помочь только Бог». В порыве откровенности Черчилль дал понять, что второй фронт они смогут открыть только в 1944 г.**

Но несмотря на разногласия по вопросу открытия второго фронта, англо-советские отношения развивались по всем линиям. Советский Союз восстановил в июле-августе 1941 г. дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами ряда оккупированных немцами европейских государств, находившихся в Лондоне. Москва согласилась на создание на территории СССР польской армии и чехословацких воинских частей.

26 сентября 1941 г. Советский Союз признал генерала Шарля де Голля «как руководителя всех свободных французов» и выразил готовность оказывать ему всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией***.

---

* Там же, л. 162.

** АВП РФ. ф. 017а, оп. 1, п. 2, д. 8, л. 227.

*** Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг., т. 1. М., 1983, с. 51–52.

24 сентября Майский на состоявшейся межсоюзнической конференции в Лондоне огласил декларацию советского правительства, в которой говорилось о согласии с основными принципами Атлантической хартии, обнародованной 14 августа президентом США Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем*.

Важным политическим событием явилась проведенная 29 сентября — 1 октября 1941 г. Московская конференция представителей СССР, США и Великобритании, на которой был подписан секретный протокол о ежемесячных квотах американских и английских военных поставок Советскому Союзу до конца июня 1942 г.**

За три месяца войны было сделано очень многое для сплочения антигитлеровской коалиции. Особо ощутимой и полезной для СССР оказалась проведенная по предложению правительства Великобритании англо-советская акция по введению войск на территорию Ирана, которая не только сорвала гитлеровские планы нападения на Баку, но и обеспечила железнодорожную и морскую связь СССР с внешним миром через Персидский залив. А именно через этот путь прошло почти 24% всех грузов, поставленных в СССР за все годы войны.

7 ноября 1941 г. Рузвельт издал постановление о распространении на Советский Союз закона о ленд-лизе, т. е. о предоставлении в аренду или в займы вооружения; горючего, продовольствия и других необходимых материалов. Этот шаг президента США решил очень сложные финансовые проблемы для советского правительства на весь период Великой Отечественной войны.

Но все эти приметы укрепления военно-политического сотрудничества соотносились советским руководством в Москве с той действительно гигантской битвой, которая развернулась на европейских просторах Белоруссии, Украины и России, когда СССР был вынужден нести основную тяжесть войны, напрасно ожидая быстрой помощи со стороны союзников. Советское руководство не могло понять заигрывание западных союзников по антигитлеровской коалиции с тогдашними сателлитами гитлеровской Германии — Финляндией, Венгрией и Румынией, с которыми они поддерживали нормальные дипломатические отношения и которые в свою очередь вели войну против Советского Союза.

---

* Советско-английские отношения..., т. 1, с. 128–130.

** Там же, с. 140–141.

Более того, Черчилль в послании Сталину от 7 сентября пытался оправдать эту позицию*. Особенно возмутил советских руководителей тот факт, что все это стало достоянием мировой печати. Эти проблемы были затронуты Сталиным в послании Черчиллю от 8 ноября 1941 г., в котором он предлагал внести ясность во взаимоотношения между СССР и Великобританией, в том числе «о целях войны и планах организации дела мира после войны»**. Послание было составлено в жестких выражениях.

12 ноября Майский вручил Черчиллю упомянутое послание Сталина. «Эффект послания был очень силен, — отмечал посол в телеграмме в Москву, — Черчилль побледнел, тяжело задышал и, вскочив со стула, несколько раз в волнении быстро прошелся по кабинету. Видно было, что он находился в состоянии крайнего раздражения. Несколько овладев собой, Черчилль резко бросил: “Сейчас я ничего не буду отвечать на послание господина Сталина. Я доложу о нем правительству”. Сказано это было в таком тоне, что я поднялся, чтобы уйти», — заключил Майский***. Вмешался присутствовавший на беседе Иден. Он постарался успокоить премьер-министра.

«Наибольший взрыв у Черчилля вызвало то место послания, — писал Майский, — где говорится, что если генералы не будут иметь полномочий по вопросам о двух соглашениях (речь шла о договоренности о целях войны и плане организации мира после войны и договоре между СССР и Великобританией о военной взаимопомощи в Европе против Гитлера. — В. С.), то товарищ Сталин не сможет выделить для них необходимого времени. «Как, — восклицал Черчилль, — я посылаю двух моих лучших главкомов, а у господина Сталина для них не находится времени». Майский пытался дать понять Черчиллю, что у Сталина «сейчас очень, очень много дел исключительной важности и срочности», он «хочет таких разговоров, но разговоров серьезных, ведущих к заключению соглашения о совместной военной взаимопомощи против Гитлера в Европе. Однако Черчилль упорно твердил свое, вспоминая при этом, что вообще в последние недели он несколько раз обращался к товарищу Сталину с посланиями, но не получал от него от-

---

* Переписка..., т. 1, с. 40–42.

** Советско-английские отношения..., т. 1, с. 171.

*** АВП РФ. ф. 059, оп. I, п. 365, д. 2486, л. 271.

вета». «Я ведь тоже умею быть колким», — добавил премьер. Посол постарался несколько снять раздражение премьера, но это удалось ему лишь отчасти.

Что касается договоренности по вопросам послевоенной организации мира, то «Черчилль заявил, что он не понимает тов. Сталина. Есть “Атлантическая хартия” (декларация Черчилля — Рузвельта в августе 1941 г.), которая и представляет собой наметку этого послевоенного устройства, поскольку о нем можно говорить сейчас».

«В порыве мгновенной ярости Черчилль вдруг воскликнул: “Если Вы хотите в Ваших послевоенных планах обратить Великобританию в коммунистическое государство, то это Вам не удастся”. Я расхохотался и ответил, что Черчиллю, очевидно, мерещатся какие-то кошмары. Как раз последняя речь тов. Сталина должна была его в этом отношении успокоить».

«По вопросу об объявлении войны Финляндии и другим Черчилль заявил, что остается при своем мнении о нежелательности данного акта, так как — де Швеция совершенно не хочет, Норвегия этого боится, США к этому относятся отрицательно... Я стал возражать премьеру... В заключение я сказал, — писал Майский, — что мне кажется странным одно: Черчилль считается со Швецией, с Норвегией, с США, с самой Финляндией, но только не с СССР».

Видя, что Черчилль приходит во все большее и большее возбуждение, — продолжал посол, — я заговорил о том, как бы премьер не относился к посланию товарища Сталина, но терять голову не следует, надо соблюдать хладнокровие и не забывать, что каковы бы ни были расхождения по тому или иному вопросу, у нас общее дело и общий враг».

Черчилль, немного подумав, сказал: «Нет, я сейчас не буду отвечать Сталину, под горячую руку могу наговорить, чего не нужно. Посоветуюсь со своими, успокоюсь и тогда напишу». «На этом мы распрощались», — закончил Майский, излагая эту длинную эмоциональную беседу с Черчиллем*.

В тот же день, 12 ноября, Иден, а затем лорд У. Бивербрук, ведавший вопросами снабжения, сообщили, что как премьер-министр, так и весь кабинет в целом «были удивлены и огорчены» тоном и содержанием послания Сталина. Оба они выразили

---

* Там же, л. 266–271.

готовность «сделать все возможное для преодоления возникших затруднений» и просили посла помочь им в этой задаче*.

15 ноября 1941 г. Майский сообщил о своих новых беседах с Иденом и Бивербруком, которые дали понять, что если бы со стороны Сталина последовало какое-либо разъяснение, что «в своем послании он не имел в виду обидеть Черчилля, что произошло недоразумение и проч., то инцидент можно было бы уладить»**.

19 ноября 1941 г. Сталин направил собственноручно написанную телеграмму Майскому, в которой говорилось: «Мое послание к Черчиллю имеет исключительно деловой характер и не задевает лично кого-либо из членов английского правительства, тем более не может задевать премьера Черчилля. Я слишком обременен делами фронта, чтобы уделить хоть одну минуту на личные дела. Мне кажется странным, что поставленные в моем послании важные деловые вопросы о военном соглашении и об организации дела мира после войны подменены вопросами личного порядка. Если кто и обижен созданным положением, так это — моя Родина, так как, поставленный нашим правительством в секретном дипломатическом порядке вопрос о Финляндии был вынесен в печать и было опубликовано, что Англия отклонила предложение СССР об объявлении состояния войны с Финляндией. Разве трудно понять, что это обстоятельство поставило мою Родину в положение страны обескураженной и униженной. И все же, несмотря на это, у меня нет претензий на этот счет и добиваюсь лишь одного — соглашения насчет взаимной помощи в Европе против Гитлера и договора об устройстве дела мира после войны. Таков мой ответ на пожелание Идена и Бивербрука. Сталин»***.

Чтобы окончательно исчерпать этот вопрос, Молотов телеграфировал 21 ноября Майскому: «Вам следует пойти к Идену и заявить ему от имени Сталина следующее: Черчилль неправильно истолковал послание тов. Сталину, ибо у него не было намерения лично кого-либо задевать, и тут произошло очевидное недоразумение, Молотов»****.

В донесении от 22 ноября Майский писал в НКВД: «В результате телеграммы тов. Сталина от 20 ноября инцидент с Черчил-

---

* Там же, л. 274–275.

** Там же, л. 289.

*** Там же, п. 354, д. 2412, л. 15–17.

**** Там же, л. 20.

лем можно считать ликвидированным. Премьер в ближайшие дни направит тов. Сталину ответ на его послание от 8 ноября». Посол изложил некоторые положения будущего послания премьера, в том числе предложение о возможной поездке Идена в Москву*. И действительно, Черчилль направил в тот же день такое послание Сталину, подчеркнув, что его «единственным желанием является сотрудничество с Вами» на условиях дружбы и доверия**.

На следующий день, 23 ноября, Сталин отправил ответное послание, в котором отметил: «Выраженное в Вашем послании желание сотрудничества со мной путем личной переписки на основе содружества и доверия, я искренне приветствую и надеюсь, что оно будет во многом содействовать успеху нашего общего дела»***.

25 ноября 1941 г. Майский вручил Черчиллю послание Сталина. «Реакция Черчилля на этот раз резко отличалась от той, — писал посол, — которую я наблюдал 11 ноября. Премьер был страшно доволен посланием и просил меня передать товарищу Сталину, что он «в восхищении»... Черчилль выражал большое удовлетворение тем, что в «России» в настоящее время имеется сильное и дальновидное правительство, и что во главе «России» стоит человек, который отличается «ясной государственной.govой» и располагает «действительной властью в стране».

Майский указал на то, что, хотя Черчилль это «открыто и прямо не сказал», но «было совершенно очевидно», что «он считает желательным после войны разбить Германию на несколько более или менее независимых государств».

Излагая ход беседы с Черчиллем, посол писал: «На поездку Идена Черчилль возлагает большие надежды****. Он думает, что Иден сумеет договориться с товарищем Сталиным по всем основным вопросам, и тем самым закрепить прочность и незыблемость нашего союза не только во время, но и после войны»*****. Говоря о героической борьбе Красной Армии против полчищ Гитлера, Черчилль, по словам Майского, суммировал свои размышления

---

* Там же, п. 365, л. 2486, л. 341–344.

** Переписка..., т. 1, с. 43.

*** Там же, с. 45.

**** О переговорах А. Идена в Москве см. О. А. Ржешевский — Новая и новейшая история, 1994, № 2, 3.

***** АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 365, д. 2486, л. 346–350.

на эту тему словами: «Никто никогда не думал, что Россия одна может успешно противостоять Германии. А ведь вот Вы сумели это сделать». Майский ответил: «Это потому, что мы являемся “новой Россией”, какой Вы не знали в прошлой войне»*.

Подобные разногласия в англо-советских отношениях возникали неоднократно и позже, например, летом 1942 г., когда Черчилль прибыл в Москву, чтобы лично разъяснить Сталину, что обещанного в 1942 г. второго фронта не будет. Но не это было определяющим.

Вступление США во вторую мировую войну в декабре 1941 г. ускорило принятие ряда конкретных шагов по расширению антигитлеровской коалиции. 1 января 1942 г. представители 26 государств, в том числе СССР, США, Великобритании и Китая подписали в Вашингтоне Декларацию Объединенных Наций. В результате подписания этой Декларации союзниками СССР стали все 25 государств, включая Соединенные Штаты Америки. Таким образом, дело которое начал в Лондоне в критические дни лета и осени 1941 г. в качестве посла СССР Иван Михайлович Майский, получило дальнейшее продолжение и в этом его немалая личная заслуга.

---

* Там же, л. 351–352.